

# ИДЕАЦИОНАЛЬНАЯ И ЧУВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА: К УЧЕНИЮ П. СОРОКИНА О ДИНАМИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ<sup>1</sup>

Леопольд фон Визе

**Цитирование:** Визе фон Л. Идеациональная и чувственная культура: к учению П. Сорокина о динамике социальной жизни (пер. с нем. Н.А. Головина). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(3): 38–57.  
<https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.3>

В Америке на английском языке опубликована система философии истории, автором которой является Питирим Сорокин, русский. Как бы ни относиться к ее содержанию, автору следует поставить в заслугу, что по строгости метода сочинение превосходит все прежние вдохновенные попытки описать социальное развитие культуры и дать ему оценку. Опыты Конта, Спенсера, Парето и Шпенглера выглядят более произвольными по сравнению с сочинением Сорокина. Они не могли или не очень стремились пользоваться познавательными возможностями и поддержкой, которые сегодня оказывает социальной философии учение об обществе как особая научная дисциплина. Они недооценили методы здравого подсчета, применение которых характерно для этой новой системы знания. Пока невозможно дать полную оценку методам и методологическим проблемам сочинения, так как еще не вышел в свет четвертый том, посвященный общей теории социокультурной динамики и методологии социальных наук.<sup>2</sup> Конечно, об этом можно многое сказать на основе уже имеющихся 2150 страниц, особенно в отношении общей части первого и третьего томов. Уже сейчас хотелось бы высказать критическое отношение к понятию культуры Сорокина и его трактовке соотношения социального и культурного. Хотелось бы сравнить систему социальных отношений Сорокина (первая часть третьего тома) с его учением о меж-

---

<sup>1</sup> Перевод текста с немецкого на русский и его подготовка к печати выполнены при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00451, по изданию: Wiese von L. Ideenkultur und Sinnenkultur. Zu Pitirim Sorokins Lehre von der Dynamik des Sozialen Lebens. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1937/38. 31(2): 371–385. Библиографические ссылки в тексте принадлежат Л. фон Визе. Подстрочные сноски, примечания и комментарии переводчика.

<sup>2</sup> Четвертый том «Социальной и культурной динамики» П.А. Сорокина вышел в свет в США в 1941 г., но рецензии Л. фон Визе на него не последовало из-за войны, объявленной гитлеровской Германией США в том же году.

человеческих отношениях, но с этим можно подождать до выхода в свет всего произведения. Займемся тем, что связано с содержанием трех томов: трактовкой и оценкой исторических фактов, особенно критикой культуры современности и прогнозом на будущее. У меня в ушах все еще звучит мощная, как псалмы, мелодия впечатляющего послесловия третьего тома. Все иные задачи, ожидаемые от специалиста, отступают на второй план по сравнению с бесподобно мощно поставленным вопросом о судьбе человечества. Сколь бы ни было велико число частных вопросов, притягательных для исследователей, они не идут в сравнение с волнующим прочувствованным обращением к нашей моральной ответственности и культуре совести. Сорокин похож на пророка предначертанного знамения смены эпох. Это следует отметить в первую очередь.

Прежде всего следует рассказать не о методах социальной философии, а о методе создания этого великолепного сочинения. В его основе лежит понимание и убеждение. Человек, который раньше был ремесленником отхожего промысла, при царе стал революционером, затем членом правительства Керенского, после этого ярким противником Сталина<sup>3</sup> и политическим беженцем, приехал в Америку совершенно без средств к существованию. В России перед обращением к политике он был не только журналистом, но и профессором университета, автором серьезных книг по социологии. Поначалу не верилось, что он сможет войти в академический мир Америки. Однако это удалось сразу и быстро.

Сегодня Сорокин является руководителем департамента социологии в Гарвардском университете. Сначала он стал там организатором этого нового для Кембриджа и Массачусетса учебного направления. Затем им овладела идея всеобъемлющей энциклопедической системы социальной истории, чтобы описать изнутри облик грядущего изменения человечества (приходится использовать столь сложное выражение). Разрыв с идеалами XIX в., которым он был предан до войны и революции, с оптимизмом людей тех десятилетий и их верой в прогресс, разрушенной историческими судьбами его поколения и народа, привел к вопросу: Что же будет? Куда идет Европа, Америка, человечество? Он задает этот вопрос как религиозный человек, как моралист и пророк. Однако он почти в той же мере исследователь, которому ясно, что просто личного жизненного примера религиозной веры мало для того, чтобы за его ответом пошли люди. Он угадал ответ на свой вопрос, но хотел представить доказательства его верности на основе фактов, законов истории и методов социологии. Как пронизательный критик, он в сочинении, посвященном литературе по со-

---

<sup>3</sup> Следует: Ленина.

циальным наукам (см: Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York; London, 1928) показал, что все прежние философы истории терпели неудачу из-за ограниченности их субъективности, влюбленности в свои идеи. Нужно попробовать привлечь статистические методы и сравнивать культуры, расширить поле наблюдения с привлечением всех важных исторических сочинений за 2500 лет из всех стран Европы, а также из Египта, Вавилона, Ассирии, Индии, Китая и Аравии, при этом используя количественные методы. Когда это исследование прошлого и настоящего, мощное по охвату материала и исторической глубине, подтвердило его интуитивные догадки, и возникло послание всем думающим современникам, которое избавило бы его от угрызений совести, а нам сослужило неоценимую службу.

Изначально было ясно, что такая исследовательская работа не под силу одному человеку. Путь, обычный ныне, когда коллективные усилия приводят к написанию сборника статей, в котором дюжина и более авторов, каждый со своим научным методом и особыми средствами исследования разрабатывает общую тему, был исключен, так как для этого изначально требуется единство взглядов и общая фундаментальная научная позиция.

Следовало обеспечить связь между дедуктивным, основанным на принципах, и индуктивными методами, не руша принятыми основоположениями фактический материал. Гарвардский комитет по исследованиям в социальных науках выделил ему значительные денежные средства. Сорокину удалось привлечь множество помощников, в том числе разбросанных по всему миру русских эмигрантов, известных ученых и молодых коллег, а также обучающихся в Гарварде. Каждый из них получил задание разработать строго определенную часть специальных вопросов. На все вопросы можно было дать ответ с помощью обширных подсчетов, точных сравнений и представления результатов в таблицах, иллюстрациях и диаграммах. Заключительная обработка этого материала и его включение в общую систему были опять-таки задачей самого Сорокина. Чтобы повысить достоверность результатов, почти всегда его помощникам, работавшим независимо и часто далеко друг от друга, была поручена разработка одних и тех же вопросов. Им не сообщалось, для каких теоретических целей служат подсчеты, сравнения, выписки из фундаментальных трудов и т.д.

В число сотрудников Сорокина вошли ученые уровня Петра Струве, Тимашева, Окунева, Головина, если ограничиться лишь некоторыми именами из множества служителей науки. Им пришлось отречься от многого, служа в этом храме науки. Они не могли предлагать свои интерпретации и теории, они лишь изредка бывали упомянуты в кратких сносках и благодарностях (Acknowledgments), но не как авторы, а их денежное воз-

награждение, как отмечает Сорокин, было скромным. Считаю, что здесь следует благодарно напомнить о тех, кто практически анонимно участвовал в научном предприятии с одним руководителем. Верно, что такое произведение можно было создать лишь так. Лишь так обеспечено последовательное идейное единство сочинения. Его творцом и созидателем является только Питирим Сорокин.

Результатом такого сотрудничества по принципу «вождизма»<sup>4</sup> является двухслойный характер сочинения, который вряд ли где еще можно встретить в литературе. Оно содержит поразительное количество данных и как совокупность материалов является неисчерпаемой сокровищницей фактов, желанной для любых наук о человеке. Устранением его мелких недостатков могла бы заняться целая армия специалистов, но я очень сомневаюсь, что исправления таблиц и графиков существенно изменили бы основные контуры картины, созданной на основе фактов. Для этого поле наблюдений и сравнений слишком широко. Однако обилие материала, полученного индуктивным методом, слишком велико даже для трех солидных томов. Неопубликованное множество статистических таблиц, особенно о войнах, экономическом и правовом развитии и многом другом, было передано Гарвардской библиотеке для дальнейшего использования в учебных целях.

## II

Однако создалось бы ложное впечатление, если бы здесь я слишком много места отвел фиксации фактов. Сам Сорокин пренебрежительно высказывается о том, что мы — «поколение собирателей фактов (fact finders)» (II, с. 300). Установление фактов является, мол, нашей гордостью. Однако Немезида<sup>5</sup> этого безудержного поиска в том, что обычно обнаруживаются лишь уже известные факты (II, с. 301). Поверхностный взгляд на сочинение, когда прежде всего бросаются в глаза графические иллюстрации и численные таблицы, мог бы привести к неверному выводу о том, что мы имеем дело с типичным продуктом того, что европейцы называют «американизмом». Пожалуй, бесспорно, что в этом сочинении интерес к фактичности (Matter-of-Fact) в Америке и почтительное отношение русского человека к идеям и принципам находятся в дисгармонии: вся полнота материала здесь служит идее. Ниже мы лишь критически оцениваем, не чрезмерно ли это.

---

<sup>4</sup> Führerprinzip (нем.) — принцип фюрерства, вождизма, один из принципов унификации общества нацистами. В данном случае термин использован иронично, в значении лидерства, но неуместно.

<sup>5</sup> Немезида — богиня возмездия в древнегреческой мифологии.

Прежде всего представим основную мысль. Она кажется слишком простой, а многим немцам, привыкшим к глубокомыслию своих философов, даже банальной. Поначалу она похожа на старую знакомую из уроков катехизиса нашей молодости<sup>6</sup>. На деле же дихотомия, которую Сорокин видит в развитии культуры в целом, является сменой во времени идеациональной и чувственной культуры, причем первая оценивается совершенно положительно, а вторая столь же неблагоприятно, будучи составной частью всей христианской теологической, особенно схоластической католической, философии истории. Не так уж неверно, если Левингстон, переводчик Парето<sup>7</sup> (между прочим, его критика неадекватна из-за иронического тона. Ср.: *The New York Times*, Book Review. 20.06.1937), называет Сорокина «Парето для набожных» и относит его к неотомистам<sup>8</sup>. Однако всегда опасно поспешное навешивание ярлыков и отнесение к заранее наштампованным направлениям мысли, избавляющее от серьезного исследования и оценки мыслителя. Этому не стоит подражать. Следует выяснить, не затрагивает ли такая, если угодно, неосхоластическая критика культуры весьма существенных вещей. Примечательно также, что теологический способ рассмотрения, увлекательный по форме и с захватывающим изложением материала, возникает у не-теолога и не-католика именно здесь, в центре американской жизни, у открытого миру и эрудированного человека. Было бы роковой ошибкой насмешливо отмахнуться от его критики эпохи, сказав: «Вот еще один богомолец», и бездумно вернуться к сиюминутной повестке дня (*carpe diem*<sup>9</sup>).

Сорокин различает два идеальных типа культуры. Одну систему он называет «идеациональной», другую — «чувственной». Третья форма основана на их гармоническом балансе, ее он называет (совершенно неуместно) «идеалистической».

Однако передачу каждого из этих понятий, идеационального и чувственного, по-немецки одним термином затрудняет то обстоятельство,

---

<sup>6</sup> Протестантская молодежь (14–16 лет) готовится к церемонии вступления в церковную общину — конфирмацию пастором — на специальных занятиях (в древнехристианской терминологии — *Katechese* — катехизис). При этом используется учебник, знакомящий с вероучением, который также называется катехизисом. Л. фон Визе имеет в виду хорошо известное, старое, привычное, «учебниково» знание. Благодарю за это пояснение профессора Х. Тюреля (Prof. Dr. Hartmann Tyrell), Билефельд.

<sup>7</sup> Левингстон Артур (Livingston, 1883–1944), американский переводчик и издатель сочинения В. Парето «*The mind and society*» («Разум и общество»).

<sup>8</sup> Течение в современной католической философии, связанное с учением Фомы Аквинского. См. сноску 14.

<sup>9</sup> *Carpe diem* (лат.) — «Лови момент».

что перевод (по крайней мере словом в единственном числе) термина «Sinn» («смысл») и противопоставления понятий «Idee» и «Sinn» («идея» и «смысл») вводит в заблуждение. Единственное значение немецкого слова «Sinn» настолько родственно понятию «идея», что четкое противопоставление, подразумеваемое Сорокиным, передать невозможно.

Речь идет об антитезе (платонической) идеи и чувственности, господстве чувства (Sensus). Под понятием «идеациональный» имеется в виду духовное, церковное, античувственное, аскетическое и одновременно абстрактное. В «идеационизме» заключается склонность к метафизике и религиозному постижению мира и жизни. Речь идет также о том, что схоласты называли реализмом и универсализмом. «Сенсатное» означает чувственно-телесное, плотское, эротически сексуальное, кроме того, находящееся во власти земного, т.е. натуралистическое. Это проявляется (по крайней мере согласно Сорокину) повседневно. В «сенсатизме» имеет место тенденция к посяторонности. В научной работе эта система склонна к эмпиризму и номинализму.

Баланс между этими полярными тенденциями не стоит называть «идеалистическим», потому что в строго научном словоупотреблении идеалистический и идеациональный — одно и то же. Вероятно, Сорокину понятие идеального представлялось в повседневном смысле этого слова, что подразумевает нечто совершенное. Система культуры кажется ему «идеальной», если возникает синтез обеих систем «с преобладанием идеациональных элементов» (I, с. 75).

Однако важнее наивного противопоставления чувственного счастья и душевного покоя следующие моменты системы Сорокина.

1. Ничто так сильно не определяет все проявления общественной жизни людей (в искусстве, философии, религии, науке, праве, политике, войне и революции и т.д.) в их сути и изменениях, как данная противоположность.

2. Общая динамика истории культуры, если брать ее в целом, объясняется чередованием трех систем в следующей последовательности: а) идеационизм; б) короткий период идеалистической фазы культуры; в) сенсатизм, продолжавшийся в Европе и Америке дольше полтысячелетия и теперь разрушающийся. Античность демонстрирует такую же последовательность. Всегда за сенсатизмом следует идеационизм, в то время как между (более ранней) идеациональной культурой и (более поздней) чувственной наступает время идеальной культуры. Таким образом, за происходящим в настоящее время закатом сенсатизма последует не расцвет культуры, а переход к спиритуализму.

3. Важной задачей системы Сорокина является строгое доказательство данной исторической последовательности.

4. При этом речь идет (как уже указывалось выше при разъяснении терминов) не просто о том, имеет ли место в одной из эпох идеациональная или чувственная культура, а о том, что со спиритуализмом всегда связан абстрактный символизм, отождествление правды с верой, семейная или принудительная организация межличностных отношений, во всяком случае не сингуляризм (индивидуализм). С идеалистическим типом культуры связано типизирующее, религиозное или героическое искусство, во всяком случае не искусство, предпочитающее повседневные предметы. Философия стремится к гармонии разума и веры. Первичная основа действительности представляется познаваемой (!). Истина отыскивается посредством диалектики и дедукции. Между откровением священных писаний, логикой и чувственными впечатлениями нет противоречий. Социальная организация соответствует семейному типу. Общество и отдельный человек предстают нераздельными и лишь двумя разными аспектами одной и той же реальности. В чувственной культуре, т.е. в рамках ее модерна, искусство становится инструментом чувственности. Оно делается визуальным. Наука опирается на эмпиризм. Ее предметом является природа, ее объекты чувственно непостижимы, также изучаются методами естественных наук. Преобладают эксперимент и индукция. В основе знания лежит уже не вера или разум, а чувственное восприятие. Индивид выступает как единственно реальный центр общества. Взаимосвязь между людьми понимается как организационное хозяйственное отношение или основано на тоталитарных замашках политических сил.

Идеациональная культура не может быть связана с эмпирической наукой, с принципом *laissez-faire*<sup>10</sup>, военной диктатурой или с эстетизмом и аналогичными знаками чувственной культуры, которая, в свою очередь, является нерелигиозной, позитивистской (в смысле Конта) и индивидуалистичной. (Здесь нет места подробно рассматривать ее разновидности и промежуточные формы.)

Каждая область культуры должна демонстрировать данную последовательность таким образом, чтобы преобладающий тип одновременно проявлялся всюду. Правда, исторический анализ Сорокина показывает, что такое бывает редко, так как тут и там возникают задержки или ускорения динамики. В общем, однако, акцент делается на параллельности во времени культурного характера всех областей культуры.

---

<sup>10</sup> *Laissez faire* (фр.) — «Пусть все идет своим чередом» — один из важнейших принципов экономической теории и идеологии либерализма.

Значительная часть первого тома посвящена развитию искусства. (Под заголовком «Ideenkunst und Sinnenkunst» мною два месяца назад об этом томе уже была написана критическая статья, опубликованная в журнале «Zeitschrift für Ästhetik»<sup>11</sup> (апрельский выпуск). Отсылаю к ней читателя, так как она в некотором отношении дополняет данную статью и обеспечивает мне возможность больше заняться здесь вторым и третьим томами.) Таким образом, новый закон трех стадий был сначала продемонстрирован на флуктуациях изобразительного искусства, скульптуры, архитектуры, а также музыки и поэзии. В историческом отношении результатом стал вывод том, что до XIII в., особенно с X по XII в., имело место чисто идеациональное искусство, только в XIII в. расцвело идеальное, но после этого набирающий силу сенсатизм постепенно уничтожил идеальное, пока в XIX в. не настал расцвет чувственного искусства.

Содержание второго тома Сорокин сам характеризует немецким словом «Wissenssoziologie» («социология знания»), под которым понимает социальные условия стремления к истине и познанию. Здесь речь идет, таким образом, о чередовании идеациональных, идеалистических и чувственных систем поиска истины. Согласно этому делению на три части различаются истина веры, истина разума и истина чувств.

Исследуется историческое развитие с 600 г. до н.э. до настоящего времени, и снова кульминацией обзора становится вопрос о господствующей системе истины в наше время. При этом анализ не ограничивается лишь целостными философскими системами, а привлекаются взгляды на каузальность, пространство, время, количество, а затем на относительно изменчивые, господствующие в ту или иную эпоху «измы», системы этики, правовых идей, особенно меняющихся представлений о преступлении.

Индуктивное исследование показывает, что кривая развития, которую Сорокин представляет относительно просто и ясно в случае искусства, опираясь на свое учение о трех стадиях, в данном случае идет не столь линейно, как он прежде сам предполагал. Закон трех стадий Конта и эволюционное учение Спенсера (правда, односторонне воспринятое Сорокиным) он считает опровергнутыми своим исследованием. Особенно изменчивой предстает Античность. Более позднее общеевропейское развитие показывает в последние 500 лет быстрое усиление эмпиризма, т.е. ориентации на поиск истины в чувствах. Но при этом рассматриваемые системы раз-

---

<sup>11</sup> См.: Wiese von L. Ideenkunst und Sinnenkunst: Zu P. Sorokins Lehre von der Fluktuation der Kunstformen. *Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*. 1938. 32(2): 97–109; Визе фон Л. Идеациональное и чувственное искусство: к учению П.А. Сорокина о флуктуациях его форм в данном номере журнала.

вивались неустойчиво и непоследовательно. Эмпиризм демонстрирует значительные флуктуации (с. 34 и далее). В настоящее время он не нарастает, а убывает. Вера в дальнейший рост этих научных систем в будущем и в замену веры и метафизики изучением реальности не оправдана. С VI по XII в. (для краткости я опускаю, как и в других случаях то, что говорится об Античности и неевропейских культурах) — период монополярной истины веры. Идеалистический рационализм, представленный схоластикой, овладевает XIII и отчасти XIV вв. Как и в отношении искусства, XIII столетие является апогеем гармонии всех философских принципов и следования им. Лишь великое время схоластики предстает «удивительной и счастливой эпохой» (It united them all harmoniously into one organic unity where faith, senses and reason did not fight one another, but all were co-operating in the great Service to God, to truth, and to man's real happiness.) (с. 50). XV в. демонстрирует значительную примесь мистики и фидеизма, причем под фидеизмом понимается форма отчаяния в истинности веры (*credo quia absurdum*<sup>12</sup>). Шести столетиям идеациональной культуры духа (600–1200) противопоставляется чувственная культура XV в., причем, как сказано, следует различать абсолютно разные типы мышления. Наша современная культура представляет собой «преимущественно сенсатную культуру» («*sensate culture par excellence*») (с. 51). Но наша эпоха верит меньше, чем какая-либо другая, в разум, в нечувственные источники истины и даже в мысли. «*Nihil est in intellectu quod non antea fuerit in sensu*» Локка<sup>13</sup> — девиз этого вида духовной культуры. Если рассматривать развитие в целом, то оказалось бы, что эмпирическая истина никак не самая влиятельная.

Если мы сравним неосхоластическую теорию истории духа с убеждением, которого до сих пор придерживалось большинство исследователей, то увидим значительное различие. Мы привыкли устанавливать начало растущей линии развития, которая сильнее всех прежних, с Декарта, Лейбница и Ньютона. У Сорокина же, как у иезуита Фродля (ср. мой анонс выхода в свет книги Ф. Фродля «Учение об обществе», Вена, 1936 в журнале «*Zeitschrift für die Nationalökonomie*» под заголовком «Номинализм?»)<sup>14</sup>

<sup>12</sup> *Credo quia absurdum* (лат.) — «Верую, ибо абсурдно» — высказывание, приписываемое раннехристианскому богослову Тертуллиану, которое Сорокин часто ошибочно приписывает Св. Августину во многих своих сочинениях. См.: Сапов В.В. Комментарии. В кн.: Сорокин П.А. *Социальная и культурная динамика*. М.: Академический проект, 2020. С. 736.

<sup>13</sup> «Нет ничего в сознании, чего раньше не было бы в ощущениях». Дж. Локк (1632–1704) — английский философ.

<sup>14</sup> См.: Wiese von. L. *Nominalismus? Zu Ferdinand Frodls Gesellschaftslehre*. *Zeitschrift für die Nationalökonomie*. 1937. 8(5): 654–663.

и других схоластов, бесспорно, кульминацией является Фома Аквинский<sup>15</sup>, равно как и эпоха, в которой готические соборы одновременно олицетворяли собой апогей искусства. Схоластика представляется Сорокиным не как полное раскрытие Средневековья, а как нечто новое, которое так же отличается от предыдущего, как и «идеалистическая» истина от идеациональной (с. 95). Однако вся «идеалистическая» культура непродолжительна, по своей природе переходная. Такое равновесие не может быть долгим (с. 104).

Странно низко оценивается гордая самоуверенность гуманистов и церковных реформаторов (например, Кампанелла, Гюйгенс, Бэкон, Драйден<sup>16</sup>, а также Лютер), Декарту противопоставляется Боссюэ<sup>17</sup>. Чувственная культура XIX в. материализует все, даже чисто духовные явления (с. 114). Процессы распада уже видны, прежде всего в общей ненадежности методов. Его великое недоверие подтверждается еще и таким ироничным высказыванием: «Мы уже живем в эпоху неопределенности. Правда, еще есть ученые, которые не так уж современны и говорят о методе и тенденции постепенного плавного приближения к лучшему познанию того или иного явления, но им было бы на самом деле трудно показать такое постепенное приближение, особенно за последние несколько десятилетий, не считая свои взгляды таким “наиболее последовательным” приближением (most successive approximation)» (с. 119).

Если посмотреть на содержание чрезвычайно богатого материалом тома в целом, обратив особое внимание на весьма поучительную пятнадцатую главу о переменах в этико-правовом сознании и в уголовном праве, подготовленную в сотрудничестве с Н.С. Тимашевым, то заметим, что смешанный «идеалистический» тип почти полностью замещается антитезой идеациональной и чувственной культуры, их синтез отсутствует именно в случае противопоставления философского идеализма и материализма (в четвертой главе), и далее вопреки основной идее системы одновременность обоих образов мышления признается лишь как частый случай (с. 203). То же самое имеет место в седьмой главе в отношении социологического универсализма и сингуляризма и не замечены тенденции антиэмпиризма и антипозитивизма, которые в Европе, особенно в Германии, в последние 30 лет весьма сильны. Примечательно также, что по-

---

<sup>15</sup> Св. Фома Аквинский, Фома Аквинат (Thomas Aquinas, 1225 или 1226–1274) — философ и теолог, монах-доминиканец, учитель Церкви, носитель почетного титула «ангельский доктор» (Doctor angelicus).

<sup>16</sup> Драйден Джон (Dryden, 1631–1700) — английский писатель и драматург.

<sup>17</sup> Боссюэ Жак (Bossuet, 1627–1704) — французский проповедник и богослов.

нятие «позитивизм» нигде не используется, хотя почти весь том посвящен противопоставлению позитивизма и антипозитивизма, так широко дискутируемого в Германии.

Третий том посвящен социальным отношениям, а также войнам и революциям. Различаются три основных типа межчеловеческих объединений: семейные, договорные и принудительные социальные образования. Таким образом, тённисовское деление на общину и общество, на мой взгляд, верно дополнено типом социальных отношений, основанным на принуждении. Впечатляет и отмеченная тесная связь идеологии и организаций, основанных на принуждении (с. 37), а также четкое выделение формирования типа его природы (с. 40–41). Для образа мышления автора характерна непомерная идеализация семейного типа социальных отношений, во всех исследовательских материалах сочинения не осознается грубость ранней культуры, а ее примитивность изображена как аркадская идиллия. Напротив, договорной тип в соответствии с основной тенденцией сочинения изображен в основном в его дегенеративных формах.

Для того чтобы приложить, как у Сорокина, три основные формы культуры к социальным структурам, следует отметить, что даже «с оговоркой» («with reservations») идеациональная культура демонстрирует тенденцию приспособления к семейным формам социальных образований, а восходящая чувственная культура — к принудительным, «перезрелая» чувственная культура — к договорным формам социальных образований (с. 132). Семья, как и идеациональная культура, подавляет «чувственные и плотские влечения» своих членов. Однако вместе с нарастающим чувственным удовлетворением усиливается поиск человеком своего «я», разливается тяга к принуждению. В дальнейшем защиту от эгоизма людей ищут в рафинированных формах договора.

Порядок осуществления власти и управления таков, что идеационизму соответствует теократия, идеациональной культуре — отчасти военная диктатура, отчасти власть денежных мешков либо организаторов бизнеса и технологий и, наконец, власть главарей банд организованных преступников. Напротив, удивительно бесцветно изображается устройство идеальной эпохи, отчасти теократической, отчасти чувственной формы.

Такое деление политических систем должно заменить обветшалые классификации в соответствии с конституциями государств, противопоставлением монархии, аристократии и демократии.

Что следует ждать от будущего? Предлагаемая перспектива не очень заманчива: «Можно разумно ожидать, что правление на основе идеациональной системы гласно или негласно станет теократией. Законы будут действовать как абсолютные приказы или табу сверхъестественной силы.

Из них значительную часть составят сверхъестественные санкции (отлучение от церкви, отказ в погребении по-христиански и т.д.). Техника вынесения судебных вердиктов также будет основана на сверхъестественных методах, таких как божественное решение. Правление и законы будут защищать разные идейные ценности, не имеющие прямой пользы и не приносящие удовольствия. В уголовном праве будет четко обозначен принцип искупления грехов и преступлений» (с. 154–155). В политике будут участвовать оракулы, пророки, святые и провидцы. Богатые и сильные не будут возвышаться, а будут подчинены держателям идейных ценностей. Таким образом, видно, что Сорокин всерьез относится к перспективе возврата в примитивную «теологическую» стадию (в понимании Конта). Однако, так как мы как бы возвращаемся в лоно охватывающей всех нас семьи, в которой мы ни в коем случае не воспринимаем отклонение наших личных желаний как несчастье, то нам нечего бояться. В обществе договорного типа наша свобода направлена лишь на внешние предметы, а в обществе принудительного типа очевидна свобода лишь для властвующих и силовиков. Только в семейном, т.е. теократическом, порядке есть подлинная внутренняя свобода.

Шестая глава, довольно увлекательно описывающая трансформацию представлений о свободе, обнаруживает существенную слабость за счет включения в нее учения о желаниях (впрочем, для меня в целом предпочтительного). Есть два способа удовлетворения желаний, антитеза, напоминающая о противоположности киренаиков и киников в пост-сократовский период Эллады: либо свобода за счет уменьшения своих желаний — истинный путь к внутренней свободе, либо свобода в растущем внешнем удовлетворении желаний.

Как мне кажется, ошибка Сорокина заключается в отождествлении желаний и чувственного удовлетворения. «Желания (wishes)» у Сорокина всегда являются «чувственными желаниями (sensate wishes)», в то время как уже учение о четырех желаниях<sup>18</sup> понимает их так, что духовные и даже

---

<sup>18</sup> Широко обсуждаемая в 1920-30 гг. теория американского социолога У. Томаса (Thomas, 1863–1947), сформулированная в книге «Неприспособленная девушка» (1923) указывает четыре желания индивида в качестве источника его активности: желание нового опыта, безопасности, ответной реакции, желание признания. П.А. Сорокин в книге «Современные социологические теории» (1928) критически оценивает данную теорию, а Л. фон Визе в письме от 04.10.1929 возражает ему: «Не могу согласиться с тем, что теория Томаса о четырех желаниях не имеет практического значения. Правда, не понимаю, почему именно Вы об этом заявляете. Для ряда отдельных исследований считаю эту теорию весьма полезной. Нахожу ее близкой к жизни и созданной на хорошем знании человеческой

религиозные устремления могут быть вполне включены сюда. У Сорокина лишь один выбор: либо чувственное удовлетворение, либо отказ от него. То, что потребность человеческого сердца может быть направлена на все области духовного (и физического) опыта и может быть также и положительная духовная свобода, не являющаяся отказом, им не осознается. Следствием является то, что великие манифестации XVIII и XIX вв., нашедшие свое выражение в декларациях прав человека и конституциях (включая Всеобщее земское право прусских государств 1794 г.), бесцеремонно отвергаются как проявления чувственности. Как ни относиться к документам либерализма и демократии — видеть в них лишь замаскированные телесные влечения несостоятельно (с. 168–169).

К наиболее ценным разделам, как мне кажется, относится восьмая глава, в которой рассматриваются отношения сословий и классов общества и экономический уклад с точки зрения закона трех стадий. Хорошо показано, насколько тесно связаны духовенство и дворяне-помещики, с одной стороны, капиталисты и интеллигенция — с другой. Ярко показана глухость интеллигенции в ее борьбе против капитализма. Упадок денежной экономики потянет за собой вниз также и светскую интеллигенцию (с. 250). Экономическое положение класса рабочих и крестьян в идеациональной культуре является плохим, потому что оно обычно низкое в такой культуре. Вместе с тем их жизненный уровень в идеальную эпоху относительно высок, потому что в такие времена еще действуют связующие силы предыдущей идеациональной культуры, а силы экономической эффективности чувственной культуры уже заработали (например, в XIII в.)

Можно многое сказать о войне и революции. В девятой по четырнадцатую главах особенно широко показаны измерения количественными методами и графически представленными сравнениями. Однако примечательно, что именно здесь наименее удачно продемонстрировано соответствие трем стадиям и вообще проработка крупных линий исторического развития. Противопоставление идеациональной и чувственной культуры здесь полностью несостоятельно. В частности, внутренние беспорядки возникали в каждый переходный период (с. 505), что четко показывают помощники Сорокина в своих таблицах и графиках и что не отрицает сам автор.

---

натуры». *The Pitirim A. Sorokin Collection, University Archives & Special Collections. University Library at the University of Saskatchewan.* Полемика Л. фон Визе в данном месте рецензии восходит к указанному возражению.

## III

Общее впечатление от этого великого произведения считаю очень серьезным и потрясающим. В общем обзоре, где приходится опускать так много интригующих подробностей, невозможно передать представление о ясной, проникновенной и честной манере изложения Сорокина. Тем не менее нельзя сказать, что меня убедила его интерпретация истории. Однако критика и споры о границах и несовершенстве его толкования истории кажутся мне неуместными по сравнению с достойной оценкой его критики культуры, т.е. революционизирующей силы, которая если не сегодня-завтра, то по крайней мере в течение последующих десятилетий должна идти от этого сочинения. Кроме того, следует учесть, что данное произведение создано в Америке на английском языке.

Особенно бросается в глаза одно любопытное обстоятельство: критика культуры, проводимая с особой силой и остротой, в первую очередь относится в основном к обществу Соединенных Штатов. В отношении Европы и особенно Германии, которая в национал-социализме имеет новую, нетеологическую и нетеократическую форму идеациональной культуры, которая Сорокиным понимается совершенно неверно<sup>19</sup>, мощная покаянная проповедь действует лишь в незначительной степени. Характерно, что в критике культуры, относящейся к современности (особенно в первом и втором томах), гораздо большая часть примеров чувственной культуры берется из американской жизни (от Голливуда до игроков бридж-клуба). Итак, в то время как в качестве объекта критики культуры выбрана главным образом Америка, эта страна почти совсем не привлекается как источник исторического анализа. Возможно, Америка белой расы была слишком молода для исторического анализа автора, охватывающего тысячелетия. Но поскольку последние три-четыре столетия занимают в сочинении значительное место, непонятно, почему почти ничего не говорится об истории американского искусства, науки, философии, экономики и конституции. Если критика направлена в первую очередь на культуру данной страны, делается настоятельное предупреждение о ее будущем, то не следовало ли также привлечь историю Америки, которая ни в коем случае не бедна? Возможно, в ответ последовало бы: доказано, что культура последних пяти-семи столетий была нарастающе чувственной, а не идеациональной, следовательно, история белой Америки полно-

---

<sup>19</sup> Комментарий о разной оценке довоенного нацизма в связи с этим местом в рецензии см.: Головин Н.А. «Необычный мыслитель и его необычное сочинение»: к публикации рецензий немецкого социолога Л. фон Визе на «Социальную и культурную динамику» П.А. Сорокина на русском языке» в данном номере журнала.

стью охвачена этим типом культуры. Лишь старая Европа (и Азия) дают настолько глубокий по времени фон, что здесь он в силе. Либо закон трех стадий, наверное, не годится для истории Америки? Не показывают ли последние три столетия Нового Света весьма убедительную параллельность всех трех типов, если угодно сделать противоположность идеи (сущности), идеала и чувственности принципом интерпретации культур?

Вот одно из противоречий, бросающихся в глаза: критика Америки, но на европейской истории. Другой пункт касается противопоставления способа и цели доказательства. Выше мы уже видели, что экспериментальные, статистические и количественные методы, т.е. продукты культуры «собираателей фактов», не рассматриваются автором как поистине убедительные. Но есть ли другое сочинение по философии истории, которое в такой же степени основывало бы свои суждения на подобных методах? Многие увидят продолжительную значимость сочинения в основном в результатах индуктивных исследований, другие не смогут возвыситься над противоречием, состоящим в том, что одновременно используются и отклоняются количественные методы.

Если попытаться сформулировать объективную оценку метода Сорокина и его помощников-исполнителей, то нельзя не учесть того, что автор сам время от времени отмечает свои субъективные суждения, но слишком несерьезно обходится с критическими замечаниями по этому поводу. В отношении значительной части таблиц и графиков есть много поводов без преувеличения отметить, что либо интерпретация результатов сильно отходит от численных значений, либо попытка внедрить шкалу ценностей в подсчеты слишком произвольна. Иногда задаешься вопросом: не все ли равно, сколько мыслителей относились к тому или иному направлению? Не важнее ли один мастер сотни профанов? Убежден, что такие сомнения самому Сорокину причиняли много беспокойства, но мне кажется, его отважная решимость взяться за дело и его четкие постановки вопросов ценнее чремерных сомнений. Мне кажется правильнее смириться с неточностями, чем трусливо отказаться от методов исследования, ведущих к результатам, пусть и не совсем точным, а методы со временем можно улучшить.

Наконец и прежде всего, является ли новый закон трех стадий и связанная с ним критика культуры, истинным и важным объектом самого произведения? Сначала следует спросить: в какой мере это подтверждается посчитанными и собранными фактами? Как мне кажется, меньше, чем следовало бы ожидать исходя из патетических уверений Сорокина.

Наиболее удачными представляются доказательства в отношении развития искусства. Однако и здесь подтвердить чередование идеацио-

низма, «идеализма» и чувственности (и затем снова идеационизма) удастся только благодаря тому, что долгий начальный период «идеационального искусства» охватывает главным образом предварительные стадии собственно искусства, в которых речь идет скорее о примитивных иллюстрациях в религиозном культе, чем о действительно религиозном искусстве (Ср. об этом мою критическую рецензию в «Zeitschrift für Ästhetik») <sup>20</sup>. Кроме того, спорным является ограничение периода идеального искусства лишь XIII столетием и отказ от признания расцвета идеализма в продолжительный период чувственного искусства.

Более скрупулезное изучение второго тома позволяет увидеть, что ритм развития поиска истины в истории еще более витиеват и запутан, чем в искусстве. Прямо-таки примечательно, что нет четкого чередования идеализма и материализма (гл. IV<sup>21</sup>) согласно трем стадиям Сорокина, а есть в основном лишь параллельная представленность этих философских принципов. Я вообще нахожу (мне лично близкую) идею одновременности этих антитез гораздо более доказанной, чем смену их последовательности во времени.

Подчеркнутая Сорокиным внутренняя и историческая взаимосвязь идеациональной культуры (в жизни и искусстве) и научного эмпиризма, которая при поверхностном рассмотрении действительно кажется вполне естественной, находит намного меньшую опору в его анализе, чем я сам дал бы ей.

Самое впечатляющее то, насколько мало (по результатам третьего тома) войны и революция могут быть объяснены победой чувственности над склонностью к метафизике. Что касается систем правления и управления, исторической противоположности принципа тотальности (принципа интервенции) и принципа *laissez-faire*, то Сорокин должен согласиться, что нет «прямой или очень тесной» связи между ними и противоположностью идеационизма и чувственности (III, с. 192). Он устанавливает лишь такие отношения: аскетическая идеациональная культура мало заботится о государстве и правительстве; активная идеациональная культура стремится к созданию мощного социального тела и сильного правления; но эта корпорация в значительной мере является религиозной организацией и в меньшей — государством. Тотальное светское государство с правительством, которое руководит всем, относится к чувственной культуре, в которой оно процветает и гибнет (III, с. 193). — Не лучше ли допустить, что более жест-

---

<sup>20</sup> См. сноску 11.

<sup>21</sup> В рецензиях главы томов «Динамики» нумеруются римскими либо арабскими цифрами без какой-либо системы.

кая идеациональная культура соответствует сильному государству, а мягкая эпоха чувственности — либерализму?

Особенно мрачным и гнетущим такое истолкование истории возникает из-за пугающей редкости и скоротечности целостно гармоничной культуры. В европейской истории лишь XIII в. от рождества Христова признан таковым. Однако и в этом сомневаешься, когда узнаешь, что разгар внутренних беспорядков приходится на XIII и XIV вв. (III, с. 486). Таким образом, получается, что в это время хоть и расцвели религия, искусство, наука и философия, социальная и политическая жизнь, но жизнь масс все-таки подвергалась бы серьезной угрозе. В действительности на то (в некоторых отношениях прекрасное) столетие приходится неспокойное, но блестящее правление Фридриха II, однако и междувластие; в Англии добиваются Великой хартии вольностей; во Франции — альбигойские войны<sup>22</sup>. Однако города и готические соборы венчают страны, миннезингеры сочиняют стихи, а схоластика достигает своего апогея. Вместе с тем это время последних четырех крестовых походов, о культурном содержании которых можно иметь разное мнение.

Существенным для этой неотомистской философии истории является то, что в отходе от схоластики, в гуманизме и реформации, в обосновании современной науки, в Декарте, Лейбнице и Канте, в отделении знания от веры она усматривает всё более глубокое погружение в узы чувственности, в то время как мы, другие (я оставляю границы круга людей, которые имею в виду под словом «мы», открытыми), видим в этом подъем к подлинной культуре. Что касается предшествующих XIII столетию веков секулума<sup>23</sup>, то, кажется, можно признать религиозный характер их духовной жизни. Однако можно ли объяснить переселение народов, которое почти пятьсот лет накладывает на них свой отпечаток, преимущественно влечением к сверхчувственному? Характеризуется ли даже христианская церковность первой половины Средневековья явным преобладанием идеи (в платоническом смысле)? Не является ли метафизика в ту эпоху (с 800 по 1200 г.), если брать в целом, бедной своей внутренней силой? Борьба за власть с земными целями кажется мне более характерной как раз тогда, когда спор между кайзером и папой рассматривается как признак эпохи, имеющий самые серьезные последствия.

---

<sup>22</sup> Крестовые походы 1209–1229 гг. против альбигойцев — еретического религиозного движения в католицизме на юге Франции.

<sup>23</sup> Секулум (от лат. saeculum) — отрезок исторического времени, равный потенциальной продолжительности жизни человека, означающий обновление персонального состава человеческой популяции.

Сегодня у критики XIX в. в Европе много сторонников. Я нахожу нередко связанные с этим преувеличения крайне опасными и неверными. Однако, как ни относиться к недавнему секулуму, недуги этих десятилетий, по-моему, вытекают не из избытка, а скорее из недостатка здоровой, бездумной чувственности. Лучше говорить о ее извращении мышлением, направленным по ложному пути. Средневековье было намного чувственнее, чем век культуры разума — девятнадцатый век.

Наверное, Сорокин на это ответил бы так: «Конечно, это извращение. Я ведь и говорю о периоде упадка чувственной культуры». Однако многочисленные, так веско стилизованные картины этого упадка идут у него всегда в одном и том же направлении: на чувственность накладывалось слишком мало ограничений; она представлена как самоцель, а ее удовлетворение — смысл жизни. Но именно это, по-моему, преувеличение и ошибка. В недавнем прошлом есть много сдерживающих факторов для телесного удовлетворения со стороны интеллекта, много серости мысли, которая как раз и ограничивала естественность природного, направляемого плотью образа жизни. Утонченность росла, чувственные желания скрывались искуснее. Но действительно ли это так важно? Если уж хочется свести эпоху к формуле ее греховности, то тогда для XIX в. грех против святого духа не характернее ли плотского греха?

Таким образом, мы уже находимся в следующем комплексе вопросов — критике культуры непосредственно современности и прогноза на будущее. Вероятно, влияние сочинения на общественность будет заключаться, прежде всего, в данном практическом значении, в то время как интерпретация истории вряд ли привлечет внимание широких кругов. Исследования Сорокина весьма поддерживают воззрение, что мы находимся в эпицентре глубокого преобразования культуры в целом. Это продемонстрировано для всех сфер жизни с потрясающей энергией и силой. Его сочинение является великой надгробной речью последним трем столетиям. В Германии это вызовет многократное эхо. Но и в Америке, еще больше приверженной идеям XIX в., к нему будут прислушиваться, если не будет слишком много таких, кто с иронией и насмешкой отмахнется от этого послания. Доказать упадок когда-то действительных ценностей ему удалось.

Правда, я объяснил бы этот трагический перелом не так фаталистично, а скорее тем, что круг лиц, которые (особенно молодежь) определяют направление развития, желают, чтобы масштабы оценки, цели внешней и внутренней жизни менялись и чтобы вчерашние ценности сегодня воспринимались как не-ценности. Логической необходимости для этого нет, это волевое, но с каждым днем все больше распространяющееся по миру,

властное решение, не терпящее возражений. Такие сочинения, как это, написанное с такой теплотой и мощной верой, требующее от дискурсивного мышления службы этой вере, чрезвычайно помогают.

Однако иное дело решить вопрос, верно ли указано направление, в котором движутся силы нового: новое пробуждение религиозной потусторонности, примитивного образа жизни, аскетизма, господства церкви, детской доверчивости. Сорокин не исключает перед началом грядущего идеационизма жуткие акты разрушения в страшной мировой войне. И действительно, можно представить себе, что такая катастрофа привела бы к столь сильному истощению и сокращению народов белой расы, что результатом стала бы пугливая религиозность обнищавших остатков человечества и, следовательно, началу нового пути, который вел бы от религиозной культуры к временной гармонии ценностей и сил культуры, а затем вновь к доминированию чувственного образа жизни.

Однако в Европе, и опять-таки особенно в Германии, мы наблюдаем действие новых успешных созидательных сил, направленных не на возрождение аскетической трансцендентности, а как раз на гармоничную унификацию данной земной жизни посредством сильных идей, подавляющих эгоизм. Эти идеи опять-таки вовсе не поддерживают вредоносное разложение человеческого бытия на духовно-метафизическую и телесно-чувственную сферы<sup>24</sup>. Вместо теократий возникают страны — мировые лидеры. Признаки того, что эти тенденции, факты приведут к новому триумфу церкви и церковности, едва ли можно найти где-то в Европе или в Америке. Вполне можно использовать формулу Сорокина: возникает новый идеационизм, а сенсатность отмирает. Только эта новая идеациональная культура, насколько видно сегодня, нова и в том, что у нее совсем мало общего со средневековым христианством. Сможет ли она позже сформировать эскапистский порыв, основанный на толте по потустороннему миру, мне кажется, зависит, как отмечалось, от решения вопроса о том, ждут ли нас великие военные конфликты или нет. Европейское обновление является сегодня вполне жизнеутверждающим и не направлено против чувственности.

Культурные преобразования настоящего и будущего времени отличаются от переломных событий прошлого тем, что все они лучше осознаются человеком. Мы, современники, пытаемся понять взаимосвязи социальной жизни и действовать на этой основе. По крайней мере, такая

---

<sup>24</sup> Речь идет об оценке Л. фон Визе идеи народной, национальной общности, на политической спекуляции которой нацисты нажили огромный политический капитал.

возможность есть. Мы можем, благодаря таким исследованиям, как сочинение Сорокина, многому поучиться у прошлого. Последовательность таких закономерных ритмов, как она представлена в новом законе трех стадий, не столь неизбежна, как это было когда-то давно. Человеческая воля может изменить их направление, ослабить или усилить их, прежде всего потому, что речь идет о духовной динамике, а не о реальных законах природы. Мне кажется, что воля к культуре, проясненная пониманием, могла бы в качестве цели добиться, чтобы оба мира, мир идей и мир чувств, объединились бы в гармоничное сосуществование. У каждого мира есть своя сфера, и он находит в другом мире свое дополнение. Там, где оно есть, уже настала эпоха идеалистической культуры Сорокина. Но должен ли быть путь туда таким длинным и жертвенным? Должна ли эта культура как *Victoria regia*<sup>25</sup>, расцветать лишь очень редко? Если известно, сколь велика реальная опасность, что такая гармония будет вновь и вновь утрачиваться, не должна ли тогда появиться воля порвать оковы жестокого закона развития? Ценная книга Сорокина может стать учебником по созданию культуры, но лишь в том случае, если не следовать именно ее красной нити.

Пер. с нем. Н.А. Головина

## IDEATIONAL AND SENSATE CULTURE: ON PITIRIM SOROKIN'S DOCTRINE OF THE DYNAMICS OF SOCIAL LIFE<sup>26</sup>

*Leopold von Wiese*

**Citation:** Wiese von L. Ideational and sensate culture: on Pitirim Sorokin's Doctrine of the dynamics of social life (transl. from German by N.A. Golovin). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(3): 38–57 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.3.3>

**Abstract.** The translation from German into Russian of the second review of L. von Wiese on “Social and Cultural Dynamics” of the Russian-American sociologist P.A. Sorokin from the journal «*Archiv fuer Rechts- und Sozialphilosophie*» (1937/38). The review covers the second and third volumes of “Dynamics”.

---

<sup>25</sup> *Victoria regia* (лат.) — растение, самая крупная кувшинка.

<sup>26</sup> The translation of this review from German into Russian and its preparation for printing was funded by RFBR according to the project no. 20-011-00451. The bibliographical references in the text belong to L. von Wiese. Footnotes, notes and comments are of the translator N.A. Golovin.